

Глава 24. Я и не запрещаю тебе быть неженкой

Цинь Шэнь, конечно, знал о своих трудностях. Но никогда прежде их не вскрывали так безжалостно и не выставляли напоказ всю их гнилую суть, выветривая запах залежалости.

Он опустил взгляд на всё ещё пузырящийся отвар из ласточкиных гнёзд и усмехнулся:

— Сети расставлены, нож у горла. Что же делать?

Еян Цы сказал:

— Ты не из тех, кто покорно подставит шею под нож, иначе откуда бы взялась эта лихорадка? Ты уже придумал, как выбраться из ловушки?

Князь помолчал и ответил:

— Кровавый Колокольчик.

Собеседник одобрительно улыбнулся. Его глаза, отражая свет лампы, заблестели.

— Говорят, в былые времена маршал Цинь в любой битве, среди тысяч воинов, мог найти слабое место врага, а затем, открыто чиня деревянные мостки, тайно переходил реку вброд, — с восхищением произнёс Еян Цы. — Проницательный и хитрый.

— Война — это путь обмана, — сказал Цинь Шэнь. — Серебряный рудник, конечно, не удержать. Значит, потеряв на востоке, нужно наверстать на западе.

Еян Цы кивнул и многозначительно добавил:

— Префектура Дунчан — хорошее владение.

Он взял ложечку, помешал отвар и с мягкой врачебной заботой сказал:

— Остыло, пей.

Князь пододвинул чашу к нему и, встав с кушетки, налил себе другую.

— Лихорадка опасна и затяжна. То, что князь Гаотан проболел два-три месяца, вполне правдоподобно. А вот Цинь Цзяньчуань должен поправиться как можно скорее, и в этом я надеюсь на тебя, Цзеюнь. Никакая плата за лечение не выразит моей благодарности. Вчера я

не зря спрашивал, хватит ли тебе денег и сколько ещё нужно. А что до «залога» — это всего лишь джентльменское соглашение, чтобы обе стороны были спокойны.

Еян Цы опустил взгляд на угощение и усмехнулся:

— Звучит так, будто вы готовы ради мудрого советника и пищу изо рта вынуть. Благородный муж твёрд в своих принципах, и лишь великий правитель способен на гибкость. — Он постучал доннышком ложки по краю чашки, издав чистый звон. — Это отвар из ласточкиных гнёзд? Нет, это попытка завоевать моё сердце.

Цинь Шэнь сказал:

— Это всего лишь отвар, обычное угощение в моей резиденции. То, что ты отказываешься, лишь показывает, как много ты об этом думаешь.

— Почему бы и не съесть? — возразил лекарь. — Ты сам предложил, я и десять чашек съем. А что у меня на уме, другим знать не положено.

Он принялся есть, ложка за ложкой. Его спутник тоже ел. Отвар был ещё горячим, поэтому Цзеюнь не торопился. К тому времени, как он закончил, Цинь Шэнь успел съесть два пирожных из офиопогона.

— Будешь? — он протянул Еян Цы третье.

Тот покачал головой:

— На ночь не ем сладкого, изжога будет.

Князь рассмеялся. За последнее время он смеялся больше, чем за предыдущие три года.

— Нельзя подходить к кошкам и собакам, нельзя голодать, на ночь нельзя есть пирожные... Еян Цзеюнь, какой же ты неженка.

Еян Цы скривил губы:

— Род Еян хоть и не знаменит при дворе, но в Сянъяне это уважаемая семья учёных и земледельцев. Старшие в семье были добры, и мы с сестрой с детства росли в заботе. Законов я не нарушаю. И как бы меня ни баловали, это всего лишь уровень лишнего слоя соломы в теплице, не сравнить с нефритовыми дворцами и золотыми палатами знати. И у тебя хватает совести смеяться надо мной.

— Какой смеяться, и в мыслях не было, — Цинь Шэнь отложил сладости и снова принялся чистить для него мушмулу. — Я и не запрещаю тебе быть неженкой.

Еян Цы сказал:

— Я наелся, пойду отдыхать. Ещё три дня буду делать тебе иглоукалывание, и этого должно хватить. Когда я вернусь в Сяцзинь, продолжай пить лекарство. Как его готовить, ты видел. В пузырьках его на семь дней, выпей всё до капли.

Когда он встал, Цинь Шэнь взял его за руку через рукав:

— Что ты собираешься делать дальше?

Еян Цы обернулся:

— Быть хорошим уездным судьёй. Весенняя пахота закончится, нужно будет заняться обороной города. После летней жатвы — строить дороги. После летней пахоты и до осенней жатвы — расширить старую переправу, углубить реку, чтобы могли ходить торговые суда. Я составил план развития Сяцзиня на три года. Не скажу, что это будет райский уголок, но сделать уезд богатым, а народ — счастливым, мне вполне по силам.

— А потом?

— А потом, за мои заслуги, двор должен меня повесить.

— А если не повесит? Талантливые люди часто прозябают на низких должностях, так было всегда.

Еян Цы улыбнулся:

— Тогда двор должен будет меня перевести. Уездный судья не может долго оставаться на одном месте. Куда бы меня ни перевели, я создам ещё один процветающий «Сяцзинь». Я ещё молод, впереди у меня лет пятьдесят, этого хватит, чтобы потрудиться на всех девяти землях. Когда-нибудь зелёные ростки превратятся в тенистую рощу. Человек на высоком посту строит великие планы; человек на низком посту занимается реальными делами. Я просто буду делать всё, что в моих силах.

Он поклонился, сложив руки, и вышел из спальни. Цинь Шэнь смотрел ему вслед, не в силах вымолвить ни слова. Его сердце, казалось, было брошено в котёл с кипящим отваром. Оно уже превратилось в груды расколотого льда, но жаркий огонь должен был растопить его, превратить в густую мазь, которой предстояло залатать трещины в небесах.

***

Еян Цы покинул резиденцию князя Гаотана на рассвете, чтобы не привлекать внимания. Он был в простой одежде, на одной лошади, и уехал тихо, без шума.

Цинь Шэнь проводил его только до вторых ворот, но отправил за ним отряд стражников, переодетых в странствующих воинов, чтобы те тайно сопровождали его до самого Сяцзиня.

Цзян Ко после этого ещё больше уверился, что у его господина появился спутник — будь то любовник или друг, но отношения у них были необычные. Он даже подумывал, что через несколько дней, когда у господина Еяна будет время, нужно будет снова привезти его в резиденцию, чтобы утешить больного князя.

Но не прошло и пяти дней, как Цинь Шэнь вызвал его к себе.

— Я обнаружил в Гаотане шпионов, следящих за резиденцией. Их немного, но все — опытные лазутчики.

Командир Цзян Ко был одновременно удивлён и разгневан.

— Они действительно осмелились! Чьи это шпионы? Прикажите, князь, я немедленно с ними разберусь.

Цинь Шэнь ответил:

— Из тысячества Линьцин, все люди цяньху Гэ Ляо. Мой второй брат подкупил Гэ Ляо ещё в прошлом году. Недавно я велел следить за чжанши Цюем и, как и ожидал, обнаружил их тайную переписку.

Цзян Ко предложил:

— Я возьму лучших людей, устрою засаду на этого Гэ Ляо, выпытаю у него список шпионов и всех их уберу.

— Даже если мы уберём его, на его место придёт другой. Это всего лишь пешки, — возразил князь.

Подчинённый тоже знал, что малый князь Лу пристально следит за князем Гаотаном, и с досадой потёр висок.

— Как князь собирается избавиться от этих шпионов? Или вы планируете нанести удар в самое

сердце?..

Цинь Шэнь покачал головой:

— Время ещё не пришло. Узнай у нашего человека в ямэне, как Сюй Вэйпин собирается закрыть дело о трупах и вернуть зерновые суда князю Лу.

Цзян Ко поклонился и ушёл. Через час он вернулся с докладом.

— Князь, этот Сюй Вэйпин — настоящий плут, у него свои методы. Он велел замариновать головы трупов в извести, состряпал донесение о том, что «патрульная инспекция округа дала бой разбойникам-сянма, уничтожив более шестидесяти врагов, включая двух главарей, правую руку атамана», и отправился к префекту Цаю за наградой. А с другой стороны, он по дешёвке выкупил на верфи три списанных зерновых судна, загрузил их старым, заплесневелым зерном, тайно потопил в реке Тухай и доложил князю Лу, что «в шайке разбойников произошла междоусобица, в результате чего суда затонули, а зерно унесло в море. Нижестоящий чиновник, приложив все усилия, смог выловить лишь несколько десятков ши с зерном, которое, возможно, ещё годится на семена». На этом дело закрыто. Просто смех!

Цинь Шэнь с презрением сказал:

— Наживается на подделках, и от проблем избавляется с помощью подделок. Хорош этот хитрый чиновник. Он приписал заслугу в разгроме разбойников патрульной инспекции округа, так что и ему, и гарнизону Пиншань достанется доля славы. Префект Цай всего лишь четвёртого ранга, как он осмелится перечить командиру гарнизона третьего ранга? Конечно, он припишет и себе заслугу и доложит наверх. Такие «подвиги», подкреплённые хоть какими-то доказательствами, легко состряпать. Чем выше по инстанции, тем меньше желающих разбираться, боясь затронуть слишком многих.

— А то «затонувшее зерно» — это горькая пилюля, которую придётся проглотить моему второму брату. Он, конечно, знает, что Сюй Вэйпин его обманывает, но ничего не может поделать. Ведь если начать расследование, его нечистые связи с разбойниками всплывут наружу, а это куда серьёзнее, чем упустить утку, которая уже была в руках.

Цзян Ко тоже почувствовал удовлетворение.

— Князь хочет, чтобы связи малого князя Лу с «Кровавым Колокольчиком» стали достоянием гласности?

Цинь Шэнь сказал:

— Я бы им и свадьбу устроил, на весь мир объявил. Ты говорил, что, по показаниям Чжан Бэя, у «Кровавого Колокольчика» есть новое логово в горах Лилун в префектуре Цзинань?

— Да. Князь собирается их уничтожить?

— У нас всего триста солдат, и за каждым нашим шагом следят. Мы не можем действовать открыто. Но префектура Цзинань может. Префект Цай из Дунчана доложил о победе над разбойниками. Думаешь, префект Чэн из Цзинаня будет спокоен? Ведь основная заслуга в борьбе с разбойниками — его, а слава досталась соседу. Он, должно быть, в ярости. Если мы сейчас сообщим ему, где логово, как думаешь, он бросит все силы, чтобы его уничтожить?

— А если не уничтожит? Или «Кровавого Колокольчика» не будет в логове? — спросил командир Цзян.

Князь Гаотан ответил:

— А мы что-то теряем? Теряет только мой второй брат. Когда у него начнутся проблемы, он будет занят их решением, и тогда появятся уязвимые места.

***

Чжанши Цюй на корабле вернулся в резиденцию князя Лу в Ляочэне и с двумя портретами отправился докладывать Цинь Туаню.

— Лихорадка? Правда? — Цинь Туань, одетый в узкорукавный халат-иса цвета груши, сидел на высоком помосте на тренировочной площадке, откинувшись на столик рядом с креслом. Он подпирал щеку одной рукой, глядя прямо перед собой, а другая рука лежала на колене, перебирая подшипник из сьенму.

«Павильон тысячи механизмов и ста перемен» занимал слишком много места, и малый князь Лу выделил для него просторную площадку в северо-восточном углу резиденции. Половину дня он проводил здесь, а другую половину — в мастерской.

Сложно было сказать, что это такое.

Снаружи говорили, что это передвижной театр, потому что, когда он приводил гостей, этот павильон высотой в пять чжанов был украшен красными лентами и флагами, а на открытой террасе актёры и акробаты показывали боевые сцены. Терраса могла подниматься и опускаться, а декорации на ней — двигаться вправо и влево.

А по мнению Цюй Цзина, без лент и флагов павильон больше походил на уродливую крепость, покрытую железом и твёрдой кожей, с множеством платформ и бойниц, которые могли вращаться с помощью механизмов. У него даже были два подъёмных механизма, спереди и сзади, называемые «сюаньпи», похожие на большие деревянные ящики, обитые лезвиями и копиями, в которых можно было поднимать и опускать людей.

Это огромное сооружение могло двигаться без внешней тяги. Люди внутри вращали шестерни, и колёса внизу катились во все стороны, позволяя всей крепости медленно передвигаться по ровной поверхности.

Каждый раз, глядя на него, чжанши Цюй думал, что это сооружение походит на чудовищного зверя из древних мифов, который в один прекрасный момент проснётся, разорвёт всё живое вокруг и украсит свои острые железные выступы их плотью и кровью, создав новое, кроваво-красное убранство.

Он с содроганием отвёл взгляд и сказал Цинь Туаню:

— Действительно, лихорадка. Лекарь, который был со мной, тоже поставил такой диагноз, ошибки быть не может.

— Мой третий брат — настоящий неудачник. Что, его можно вылечить?

— Сложно сказать. Лихорадка опасна, шансы пятьдесят на пятьдесят. Лекарь прописал лекарства, остальное зависит от его организма и судьбы.

Цинь Туань с сожалением вздохнул:

— Умирать ему нельзя. Я ведь ещё собирался устроить его свадьбу. Те две его наложницы — порядочные женщины?

Цюй Цзин развернул перед ним портреты.

— Это работа лучшего художника Гаотана. Я сравнил с оригиналами — очень похоже. Прошу князя взглянуть, знакомы ли вам эти лица?

— Поднеси поближе, — Цинь Туань прищурился и внимательно рассмотрел изображения. — Незнакомы. Никогда не видел. На вид им лет двадцать, по возрасту не подходят.

Цюй Цзин сказал:

— Да. И тот незаконнорожденный сын... он им не очень-то дорожит, с лёгкостью согласился отдать его в резиденцию князя Лу, только вот он ещё грудной, нужно подождать несколько месяцев. Князь, вы действительно собираетесь растить его ребёнка? Этот хилый щенок, если он у нас умрёт, тот ведь пойдёт жаловаться императору, обвинит нас...

Цинь Туань, подперев щёку, постукивал пальцами по лицу. Подумав, он сказал:

— Тогда подождём несколько месяцев. Когда третий брат поправится, мне, как второму брату, нужно будет заняться его свадьбой. Кроме того, окружной судья Гаотана Сюй Вэйпин — негодяй, я хочу прочить его, но он скользкий, как угорь. У тебя есть какие-нибудь идеи?

Чжанши Цюй немного подумал и предложил:

— В открытую с ним не справиться. Может, воспользуемся чужим ножом?

У князя Лу уже был свой план, но он всегда любил сначала спросить мнения своих советников. Если ответ был неверным, он злился на их глупость; если верным — злился, что его мысли угадали. Он хмыкнул:

— Ерунда. Неужели я сам поведу пятьсот солдат? Этот человек в хороших отношениях и с префектом, и с командиром гарнизона. На официальном уровне его пока не тронуть, придётся действовать через неофициальные каналы. Как там Ди Хуадан в последнее время? Её людей убили, зерновые суда пропали. Неужели она никак не отреагировала?

Собеседник осторожно ответил:

— Я уже посылал людей связаться с ней, но ответа пока нет...

Цинь Туань нетерпеливо махнул рукой:

— Во-первых, продолжай следить за резиденцией князя Гаотана, чтобы мой третий брат сидел дома и спокойно лечился. Во-вторых, передай Ди Хуадан, что в префектуре Цзинань она уже наигралась, пусть приезжает развлечься в округ Гаотан. В-третьих, поторопи тех, кто в Чжаоюане. Золото, добытое в этом году в руднике Линлун, нужно переплавить в слитки и прислать сюда. Я здесь содержу людей, обслуживаю механизмы, веду разработки — деньги уходят каждую минуту.

Он бросил подшипник из съенму на столик и, зевнув, встал.

— Я спать. Если небо упадёт, тогда и разбудите.

Подшипник закрутился и покатился к краю стола. Цюй Цзин поспешно его поймал.